

Ростислав Ярема
ROSTISLAV ĀREMA¹
[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0001-5363-5884](https://orcid.org/0000-0001-5363-5884)

Rocznik Teologiczny
LXI – z. 1/2019
s. 43-61
DOI: 10.36124/rt.2019.02

Городской сиротский приют им. Бахрушиных в Сокольниках. Новаторский проект конца XIX – начала XX века

**Gorodskoj sirotskij priūt im. Bahrušinyh v Sokol'nikah.
Novatorskij proekt konca XIX - načala XX veka**

**Bakhrushin City Orphanage in Sokolniki – a Pioneer Pro-
ject of the late 19th – early 20th Centuries**

Ключевые слова: Храм Живоначальной троицы, сиротской приют им. Бахрушиных, Сокольники, Москва

Key words: Holy Trinity Church, Bakhrushin orphanage, Sokolniki, Moscow

Резюме:

В статье рассматривается проект Устава Городского сиротского приюта им. Бахрушиных в Сокольниках в контексте социальной защиты детства в России. Краткая ретроспектива организации государственной поддержки нуждающихся показывает уже сложившиеся формы призрения сирот ко второй половине XIX в., обозначает их недостатки и остро вставшие проблемы девиантного порядка в детской среде, требовавшие своего разрешения. Проект Устава Городского сиротского приюта им. Бахрушиных в Сокольниках к. XIX – начале XX в. позволяет говорить о совершенствовании учреждений интернатного типа для сирот в целях решения поставленных проблем и попытке осуществления самых передовых идей Европы в области организации призрения за несовершеннолетними детьми, оставшимися без попечения родителей. Тем ни менее осуществление столь

---

¹ Ks. dr Rostislav Ārema (Rościśław Jarema) jest proboszczem parafii w dawnym sierocińcu Bachruszinyh w Moskwie.

новаторского проекта потребовало преодоление неподготовленности к нему бюрократического аппарата, что прослеживается в статье на процессе утверждения Устава приюта по документальным источникам Центрального исторического архива города Москвы.

Abstract:

The article investigates the project of the statute of Bakhrushin City Orphanage in Sokolniki through the prism of social childhood protection in Russia. An historical overview of the organization demonstrates how the orphans were looked after by the second half of the 19th century, depicts the drawbacks of the system and uncovers the issues in child education of those times, that were to be solved. The project of the statute of Bakhrushin orphanage in Sokolniki written in late 19th – early 20th centuries proves that orphanages were being improved at that period of time, and there were attempts being made to solve the abovementioned issues using the most modern European ideas of how to take care of underage orphans. Such a pioneer approach had to face the fact that the bureaucratic system of the time was not ready for such drastic changes. The article proves this by using documents from the Central Historical Archive of Moscow.

Сиротство представляет собой одну из самых болезненных социально-психологических проблем общества. Особые исторические условия, сложившиеся в России во второй половине XIX – начале XX вв. связанные с существенными изменениям в социально-экономической структуре российского государства, трансформациями общественных отношений, проблему сиротства резко обострили.

Это социальное явление девиантного порядка не только обрело качественно иные по сравнению с предшествующим периодом масштабы, но и провоцировало резкое увеличение социальных отклонений (нищенство, преступность и проституция) в детской среде. Однако в сознании крестьянства и мещанства оно стало восприниматься как «обычное» явление российской действительности. Причиной этого было не только смирение перед неизбежностью такого рода аномалий в условиях переходного периода общественного развития, связанного с разного рода

издержками социального и экономического характера, но и аморфность сиротства как социальной группы, ее «условность» – размытость границ, отсутствие четкой внутренней структуры, ограниченность возрастом гражданского совершеннолетия (21 год).

Становление мер социальной защиты детства в определенную систему начало осуществляться еще со времени правления Петра Великого. Заметной вехой в этом направлении стало развитие общественного призрения в эпоху Екатерины II и появление благотворительных обществ и союзов. Среди них особое место занимали «Учреждения Императрицы Марии Федоровны», созданное Ведомство учреждений Императрицы Марии осуществляло свою благотворительную деятельность вплоть до 1917 г.

После кончины Императрицы Марии Федоровны заботу о ее учреждениях взял на себя Император Николай I, большим вкладом которого в развитие системы социальной защиты детства стало учреждение сиротских институтов. В царствование Императора Александра II число благотворительных учреждений росло и к концу XIX в. насчитывалось более 14 тысяч благотворительных обществ и заведений (Anufrieva 2008, 20).

Реформы 60-70-х гг. XIX в. улучшили условия для развития благотворительной деятельности церковью и монастырями. Церковь оставалась частью государственной организации, известная либерализация общественной жизни способствовала росту социальной активности духовенства в сфере благотворительности. В 70-90 гг. XIX в. на территории России около 1000 монастырей попечительствовали о неимущих, больных, престарелых и других социально незащищенных общественных группах (Anufrieva 2008, 20).

Во второй половине XIX столетия остро вставший вопрос о структурной организации государственной поддержки

нуждающихся требовал быстрого разрешения. Предшествовавший опыт привел к осознанию многих недостатков уже сформированной системы призрения. Работа официальных государственных органов в этой сфере стала дополняться потенциалом земских и городских институтов самоуправления.

Реакцией на рост масштабов сиротства стали разработка и внедрение новых форм социальной помощи сиротам различных категорий, стремление повысить эффективность работы существующих сиротоприемных учреждений, попытки проследить дальнейшую судьбу их воспитанников. Именно в то время заметное развитие получает реабилитационная педагогика, учитывающая психологические особенности сирот и специфику их социализации, а также теория трудового воспитания, применявшаяся в практике сиротских учреждений. Постепенно меняется характер социальной помощи обездоленным детям и отношение к ней со стороны общества - она становится не только богоугодным, но и общественно полезным делом, приобретает адресность и системность.

Сложились определенные механизмы социальной помощи детям-сиротам – правовые (установление опеки и попечительства, усыновление), традиционные (попечение «всем миром»), помещение в детские учреждения интернатного типа. Эти правовые механизмы отражали действующие законные акты Свода законов Российской империи, определявшие порядок установления опеки и попечительства над сиротами, а также процедуры усыновления незаконнорожденных детей. Конечно же, эти механизмы были далеко не безупречными. Государственная опека охватывала не все категории сирот, ориентируясь, главным образом, на сохранение имущества сирот привилегированных сословий. Законом не устанавливался порядок отказа от опеки, а также наложения штрафов за ненадлежащее исполнение опекунских обязанностей,

отсутствовала четкость отношений опекунских учреждений и опекуна и т.д.

На работе сиротских учреждений сказывался и постоянный недостаток денежных средств. Развитие системы социальной помощи сиротам и ее эффективность, фактически, целиком зависело от активности земских деятелей и местных чиновников, их личных человеческих качеств. Практически никакой ответственности за ненадлежащее исполнение даже слаборазработанной законодательной основы деятельности государства по отношению к сиротам не предусматривалось.

Не решенной к началу XX в. губернии оставалась самая печальная проблема высокой младенческой и детской смертности, доходившей до 79%. Зачастую «сиротовоспитательные дома» для незаконнорожденных детей играли роль находящихся почти на самом социальном дне приемных пунктов. Лишь незначительная часть детей-сирот отдавалась на воспитание в крестьянские семьи (ср. Petrova 2007).

Забота о сиротах даже не была включена в сферу попечительской деятельности Приказа общественного призрения, заведения которого были переданы городскому управлению города Москвы в 1887 году. Среди переданных им благотворительных заведений не было ни одного детского приюта. Лишь от Комитета по разбору и призрению городское управление получило в наследство один детский приют – Ремесленное училище для нищих детей при Работном доме. Городскому управлению предстояло самому приложить усилия к организации этой важнейшему направлению заботы о бедных. Такая необходимость стала особенно настоятельной с тех пор, как в 1894 году были учреждены городские участковые попечительства о бедных. Ознакомление с проблемами городской бедноты и изучение ее потребностей и нужд очень скоро привели к осознанию

необходимости устройства приютов для детей. В первый же год своего существования попечительства уже открыли такие приюты, в общей сложности на 300 мест. Затем из года в год число попечительских приютов для детей росло, и к 1903 году их было уже 44. Из призреваемых ими 1389 детей только 577 были приходящими на день, а 812 были приняты под полный присмотр и попечение.

Но деятельность попечительств о бедных облегчить участь детей-сирот не могло кардинально решить проблему сиротства в целом и освободить городское управление от необходимости устройства детских приютов в своем непосредственном ведении. Скудость средств и непрочность бюджета не позволяли попечительствам осуществить прочную и педагогически правильную постановку воспитания принятых детей. Тем более, что это, по существу, выходило за пределы прямых задач попечительств, призванных бороться скорее с преходящей нуждой, требующей лишь временной поддержки, чем с нуждой, требующей продолжительной заботы в течение нескольких лет.

Добиться ощутимого сдвига в заботе о детях сиротах Московское городское управление смогло – как и во многих других сферах общественного призрения – при помощи жертвователей. Личная инициатива благотворителей в развитии системы попечения о детях-сиротах сыграла тогда значимую роль. Кроме того, активность общественных деятелей становилась существенным стимулом для того, чтобы государство пересматривало социальную политику в отношении сиротства.

Первым детским приютом, устроенным в ведении Московского городского управления, стал Мазуринский приют, открытый в 1895 году на пожертвования гжи М. Шарбонно. Второй приют – Ксеньинский, для нищих девочек – был задуман городским управлением уже по собственной инициативе. Третий приют, открытый для сирот, лишившихся родителей во время Ходынской

катастрофы в 1896 году, устроен был также при помощи пожертвований. Наконец, инициативе жертвователей обязан своим существованием и последний по времени открытия, самый большой и самый широкий по своим задачам городской сиротский Бахрушинский приют.

Деятельность представителей династии Бахрушиных стала одной из самых содержательных страниц Золотого века русского меценатства в России. Семья русских купцов и промышленников стала широко известна своей жертвенностью и храмоздательной деятельностью (Думова 2007).

27 мая 1895 года братья Александр и Василий Алексеевичи Бахрушины обратились с письмом на имя Московского городского головы, в котором выразили желание пожертвовать 600.000 рублей на устройство в Москве бесплатного приюта для бедных, покинутых родителями, детей и сирот мужского пола православного исповедания, преимущественно московских жителей. Городское управление должно было отвести для приюта безвозмездно участок земли в Сокольничьей роще за линией Ярославской железной дороги. Выполнение постройки по планам, утвержденным Думою, жертвователи брали на себя, причем расходование назначенной для этого суммы не должно было подлежать контролю; за счет этой суммы они обязывались выстроить здания для проживания детей и помещения для администрации с необходимыми службами. В тоже время на Городское Управление возлагалась обязанность устроить в приюте на свой счет водопровод мытищинской воды, а ко времени достижения принятыми детьми школьного возраста – выстроить школу и ремесленную мастерскую для обучения воспитанников.

Городская дума в собрании 30 мая 1895 года постановила принять пожертвование господ Бахрушиных на изложенных в их заявлении основаниях и выразить жертвователям глубочайшую признательность Московского городского управления как за

их новый щедрый дар городу, так и за постоянную широкую и неоскудевающую помощь в удовлетворении самых существенных нужд беднейшего населения столицы.

18 марта 1896 года жертвователи внесли в городскую управу пожертвованную сумму, 600.000 рублей, предварительно, «впредь до Высочайшего утверждения устава учреждения в виде обеспечения». Между тем проект устава, одобренный Думою в заседании 11 июля 1896 года и жертвователями, был представлен на Высочайшее утверждение, которое и было получено, но лишь 6 марта 1898 года.

Значимость Бахрушинского приюта определялась не только серьезными денежными вложениями и масштабом проекта, но и многими, по существу, новаторскими нововведениями для развития детских учреждений интернатного типа. Будучи крупными предпринимателями, братья Бахрушины глубоко и серьезно занимались экспериментальной педагогикой, стремились найти новые подходы в воспитании сирот, во многом отличающиеся от установившихся за многие десятилетия взглядов ученых и чиновников Министерства просвещения. Надо сказать: задуманное братьями Бахрушиными в Сокольниках не укладывалось в привычные рамки. А создать они хотели детский городок, куда могли бы поступать 4-летние малыши, жить и учиться там до 18-летнего возраста. Да и сами воспитанники получали достойное имя «стипендиаты», а не уничижительное – «призреваемые». Фактически за этим стоял принципиальный пересмотр самой сути воспитательной деятельности по отношению к сиротам. В приют могли быть приняты дети московских жителей мужского пола, православного вероисповедания. Для них постепенно планировалось построить на территории приюта школу, мастерские, амбулаторию, церковь. По достижении воспитанниками 18-летнего возраста они непременно трудоустраивались, получая, в основном, места на предприятиях

братьев Бахрушиных в уже сложившихся коллективах. И сроки проживания в приюте – от малолетства до совершеннолетия, и характер воспитательной деятельности предполагали полную и, практически, полноценную подготовку к жизни.

Необходимо учитывать, что в дореволюционной Российской империи существовало два типа детских приютов резко различающихся между собою по своей бытовой обстановке. В одних дети постоянно пребывали вместе, имели общие для всех спальни, столовые, комнаты для занятий и для отдыха; в других – дети разделялись на сравнительно небольшие группы, и воспитательный процесс был нацелен на приближение к обычной семейной жизни.

С XVII–XVIII веков в Российской империи существовал заимствованный из Западной Европы казарменный тип приютов, задачи которого были минимальными – обеспечить детям-сиротам теплый угол и кусок хлеба. Требования разумной педагогики применительно к воспитанию бедных детей казались устроителям таких приютов ненужной роскошью. При этом, конечно же, для детей-сирот богатых и знатных родителей были специальные приюты при монастырях. Для чиновников того времени Европа была законодателем и непререкаемым авторитетом в области просвещения и культуры, поэтому очевидные недостатки казарменных приютов считались достоинствами. Ведь в Европе существовали более жестокие условия для детей сирот.

К концу XIX века для Российской империи такая система попечения для детей явно устарела, что проявлялось, прежде всего, в изолированности сирот от реальной жизни, в необходимости строжайшей дисциплины в переполненных приютах, далеко не всегда оправданной с точки зрения воспитания. О развитии индивидуальных особенностей детей, о возможности для них свободно проявлять свои склонности и создавать привязанности нельзя было и думать. Тесное сердечное общение со старшими,

с воспитателями, в котором так нуждается детская душа, при массе, с которой имеет дело воспитатель, здесь недоступно. Жизнь по команде, без теплоты и уюта, без возможности проявить свою волю в выборе занятий и развлечений, – вот удел воспитанников таких приютов. Вряд ли это могло дать хорошую подготовку для полноценной жизни в обществе, воспитать из детей-сирот деятельных граждан, полезных и активных членов общества, нравственно и умственно развитых людей.

Назрела необходимость переустройства сиротских приютов казарменного типа в сторону приближения их к воспитанию в естественной обстановке семьи. С этой целью стали устраивать приютские помещения так, чтобы можно было размещать детей отдельными небольшими группами. При таком устройстве приюта каждая такая группа поручалась отдельному воспитателю или воспитательнице. Фактически они становились старшими членами семьи, которые не дежурят при детях, а живут вместе с детьми.

У каждой группы в приюте своя спальня, своя комната для занятий, кухня, столовая и т. д. в зависимости от средств и характера обстановки приюта. В некоторых приютах система эта имела особенности. Например, в приюте не было обособленных школ и мастерских, и дети посещали общие для всех общеобразовательные и ремесленные учебные заведения. Этим еще более устранялась замкнутость детей в своей тесной среде; и устанавливалось общение их с внешним миром во всех его проявлениях.

Аналоги подобных приютов были и в Европе, но только для детей знатных и богатых родителей. Лучшие английские приюты этого типа устраивались группами по 12 человек, причем, до известного возраста допускалось совмещение в них мальчиков и девочек. Были приюты и с более крупными группами; конечно, чем меньше группы, тем более такой приют может решить педагогические задачи, но тем дороже обходится его содержание.

К такому типу приютов относился и сиротский приют имени братьев Бахрушиных.

Однако осуществление постройки и функционирования новаторского для своего времени в России приюта столкнулось со множеством проблем и утверждение его устава стало непростым и длительным процессом.

Переписка об утверждении Устава детского приюта, хроника возникновения его зданий и приютского Троицкого храма, сохранившаяся в фондах Московского генерал-губернатора, Министерства внутренних дел и Московской духовной консистории, свидетельствует о бюрократической эпопее, которую пришлось преодолеть братьям Бахрушиным в осуществлении своего благого дела.

Прошение от братьев Бахрушиных о создании в Москве детского приюта поступило в 1895 году. Устав приюта был составлен депутатами Городской думы П. Санининым, Вл. Бахрушиным, В. Герье, А. Шиловым. Главным в нем было то, что «Московский городской детский приют имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных имеет целью бесплатно давать религиозное, нравственное и физическое воспитание и практическое ремесленное образование бедным детям мужского пола, покинутым родителями, и сиротам преимущественно московских жителей». Устав ставил «главную задачу приучить воспитанников к труду и дать им такую практическую постановку в знании ремесел, чтобы, по выходе из приюта, они имели возможность существовать честным, самостоятельным трудом» (СИАМ, Ф. 16. Опис 130, Дело 135).

Из 600 тысяч пожертвованных рублей 150 тысяч поступали на постройку и обзаведение приюта, а 450.000 руб. составили неприкосновенный капитал учреждения. По воле учредителей приют содержался на проценты с этого неприкосновенного капитала пожертвованного учредителями приюта братьями

Бахрушиными, причем проценты с означенного капитала по открытии приюта не могли иметь никакого другого назначения.

Содержание приюта могло осуществляться также на средства, отпускаемые Городскою думою для содержания школы и мастерских приюта и на другие надобности; на пожертвования и на суммы города или частных лиц, обществ и учреждений, в том случае, если Городское Управление или эти лица, общества и учреждения пожелают увеличить за свой счет число воспитанников приюта.

В Уставе управление приютом передавалось Совету приюта, в который помимо учредителей Александра и Василия Алексеевичей Бахрушиных и директора, входили 4 человека, избираемые на 4 года Московскою городской думой. Утверждалась вполне демократическая процедура принятия решений – простым большинством голосов; а «при равенстве голосов принимается мнение, к которому присоединился председатель», избравшийся Советом, но утверждавшийся в должности и увольняемый с нее Городскою управою, по представлению Совета. Уставом был четко очерчен круг его обязанностей, исключавший злоупотребления.

По желанию учредителей, братьев Бахрушиных в главе Устава о воспитанниках приюта изложены условия приема детей, отличительной особенностью которых, в сравнении с существовавшими тогда приютами, было то, что в приют «принимались дети мужского пола в возрасте от 4 до 6 лет, православного вероисповедания, бедного состояния, покинутые родителями или сироты, причем круглым сиротам отдавалось преимущество».

Все воспитанники, по достижении ими школьного возраста, приступали к обучению грамоте и техническому рисованию, а по достижении физического развития, допускающего работу в мастерских, изучали мастерство в особых школе и мастерских, устраиваемых при приюте. Приютская школа устраивалась

по типу начальных городских училищ; как школа, так и мастерские должны были служить исключительно для воспитанников приюта и находиться в заведывании Совета и директора приюта.

Очень интересным решением учредителей по благоустройству заведения было размещение воспитанников в приюте отдельными группами. Причем, первые сто воспитанников, содержавшиеся на средства, пожертвованные учредителями приюта братьями Бахрушиными, размещались в отдельных домиках, вместимостью каждый от 20 до 25 воспитанников.

По уставу, воспитанники оставались в приюте до 18-летнего возраста. Перед выпуском воспитанника Совет подыскивал ему соответствующее занятие и до достижения им 21 года не прекращал о нем заботиться, поддерживая его и помогая ему в случае надобности.

Для деятельности приюта были созданы благоприятные финансовые условия: принадлежащее приюту или приобретаемое для него недвижимое имущество освобождалось от всяких сборов в пользу казны и земства. Приют освобождался от платежа крепостных и других пошлин по всем касающимся его делам, от пошлин с капиталов и имуществ, переходивших к нему безмездными способами. Все здания приюта освобождались от квартирной повинности, как постоем, так и деньгами. Директор и лица, занимающиеся в школе приюта, даже освобождались от отбывания воинской повинности.

На подлинном экземпляре Устава имелась надпись «На сей проект согласны: Александр Бахрушин. Почетный гражданин Василий Алексеев Бахрушин», и подпись Городского головы К. Рукавишника (СИАМ, Ф. 16, Опис 130, Delo 135, f. 3r-3v). Проект устава был представлен Его Императорскому Величеству и получил высочайшее утверждение. Однако 10 марта 1897 года Министерство внутренних дел и Министерство народного

просвещения вынуждены были просить Московского генерал-губернатора предложить учредителям приюта пересоставить проект устава и присвоить ему «иное наименование, например: убежище, сиротский дом или т.п.» (СИАМ, F. 16, Opis 130, Delo 135, f. 4r-4v.)

Бюрократические препоны на пути благотворительной деятельности братьев Бахрушиных чиновники того времени выставляли в полном соответствии с буквой законов и принятых положений, ссылаясь при этом на заключение Ученого комитета Министерства народного просвещения, который «нашел в нем такие недомолвки и неправильности, которые препятствуют его утверждению в настоящем виде...» (СИАМ, F. 16, Opis 130, Delo 135, f. 7r-8v). Текстуальный анализ высказанных замечаний дает множество ярких свидетельств живучести бюрократии во все времена и, видимо, у всех народов, а главное – показывает, какие препятствия вынуждены преодолевать те, кто задумал любое благое дело, тем более такое значительное по масштабу, трудное по организации и новаторское по своей сущности, как Бахрушинский приют.

Достаточно привести в качестве иллюстрации выписку из журнала заседания особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения от 17 января 1897 года (№ 1001), где слушался доклад по проекту устава Московского городского детского приюта имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных. В докладе говорилось: «...Жертвователи Бахрушины в неперемнное условие передачи городу капитала на устройство названного приюта поставили представление проекта устава приюта на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение и утверждение. Таким образом, этот Устав, как Высочайше утвержденный может получить значение как бы лучшего из уставов, образцового нормального. Между тем

необходимых для этого качеств, полноты и обстоятельности он не имеет, так что, по прочтении его не получается ясного представления о том, как приют будет устроен...» (СИАМ, F. 16, Opis 130, Delo 135, f. 9r-11v). Последовавший затем перечень замечаний и придировок, составил текст, который можно признать образцовым документом бюрократизма, не желающим оценить социальную значимость живого, конкретного дела, за которое из лучших человеческих побуждений взялись братья Бахрушины и на осуществление которого выделили огромные собственные деньги.

Столь критичный тон заседания особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения, наводит на мысли, что докладчики, вероятно, не хотели или просто не могли поменять того, что требовало действительно серьезного реформирования. Бахрушины же давно изучали проблему беспризорных детей. Они желали дать обездоленным детям не просто угол и кусок хлеба, а стремились устроить приют таким образом, чтобы выпускник мог стать полноценным членом общества, получив духовное и школьное образование, достойную профессию, трудоустройство и квартиру.

После критики 17 января 1897 года проекта Устава Московского городского детского приюта имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных, изложенной во мнении особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения, и предложения дать приюту название «убежище» или «сиротский дом», приюту все-таки оставили название, избранное самими учредителями, братьями Бахрушиными. Правда, по требованию Комитета пришлось подвергнуть редакции некоторые параграфы и пункты устава. Редактирование и утверждение устава заняло еще один год². И вновь Московский городской голова, согласно

---

² Редакции подверглись §§ 10, 18 и 24 Устава Московского городского детского Приюта имени братьев Бахрушиных.

постановлению Городской думы, ходатайствовал перед великим князем Сергеем Александровичем о представлении на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение и утверждение, принятых изменений §§ 10, 18 и 24 Устава Московского городского детского приюта имени братьев Бахрушиных (СИАМ, Ф. 16, Opis 130, Delo 135, f. 13r-13v).

11 декабря 1897 года Комиссия по пересмотру Устава Московского Городского детского приюта имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных предложила внести изменения в устав, с которыми согласились Александр и Василий Бахрушины (СИАМ, Ф. 16, Opis 130, Delo 135, f. 15r-15v). Эти изменения в Уставе были связаны с уточнениями внешнего административного управления, с согласованием его с уже имеющимися узаконениями о призрении беспризорных детей и сирот, изданными в Российской империи в разные времена развития этой отрасли благотворительности. Но никаких особых дополнений, для обустройства лучшего проживания подопечных в приюте, они не несли.

Измененный Устав Московского городского детского приюта имени Бахрушиных был направлен Министру внутренних дел 13 января 1898 года. В отношении Московский Городской Голова, согласно постановлению Городской думы, ходатайствовал о представлении на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение и утверждения принятых Городскою Думою изменений в параграфах устава. На ходатайстве мы видим резолюцию Его Императорского Высочества, Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича: «Не встречаю со своей стороны препятствий к удовлетворению ходатайства Городского головы (...) Генерал-адъютант Сергей» (СИАМ, Ф. 16, Opis 130, Delo 135, f. 16r-16v). 4 июня 1898 года в Канцелярию МВД Московского Генерал-губернатора пришел ответ, что Устав Бахрушинского приюта получил Высочайшее утверждение (СИАМ, Ф. 16, Opis 130, Delo 135, f. 24r).

Но, братьев текст Устава приюта все-таки не устраивал, их очень волновало содержание §§ 34 и 35, касающиеся закрытия названного приюта. Исключить параграфы из Устава помог Московский генерал-губернатор Сергей Александрович Романов. Это следует из письма Хозяйственного Департамента от 16 июня 1898 года на имя Его Императорского Высочества, Московского генерал-губернатора. Министр внутренних дел писал: «Вследствие отношения, долгом поставляю уведомить Ваше Императорское Величество, для надлежащего распоряжения, что, на основаниях Высочайше утвержденного 15 февраля 1897 года положения Комитета министров, я признал возможным, в удовлетворение ходатайства г.г. Бахрушиных, исключить из Высочайше утвержденного Устава Московского городского Сиротского приюта имени братьев Бахрушиных §§ 34 и 35, касающиеся закрытия названного приюта. Министр внутренних дел» (СИАМ, Ф. 16, Opis 130, Delo 135, f. 30r).

Официально работы по строительству приюта были разрешены 11 ноября 1898 года, когда Министр внутренних дел докладывал господину Исполняющему обязанности Московского генерал-губернатора о завершившемся деле об утверждении проекта устава Московского городского сиротского приюта им. братьев Бахрушиных, кратко излагая суть предыдущей переписки.

По прошествии нескольких лет, в 1906 году Московским городским управлением создается Совет по призрению обездоленных детей, где стали подниматься и решаться эти назревшие вопросы. Эти вопросы отражены в докладе, прочитанном 5 октября 1916 года на публичном заседании Московского городского совета гласным Московской городской думы Сергеем Владимировичем Бахрушиным³. Обращаясь к целям

---

³ Сергей Владимирович Бахрушин (26 сентября [ст. стил. 8 октября] 1882 г., Москва – 8 марта 1950 г., Москва) – русский советский историк, член-корреспондент

и задачам, которые преследовал Совет, Сергей Владимирович, остановился на понятии «детская беспризорность».

«Что такое беспризорные дети? – обращался к слушателям докладчик, – под этим понятием мы часто подразумеваем совершенно различные явления. Из иностранных законодательств наиболее конкретно определяет группы беспризорных английское законодательство, но оно не дает общего определения беспризорности. Французский термин, соответствующий нашему — «*vagabond, sansabri, nonsurveillance*»⁴, — вносит один очень существенный момент в определение беспризорности: отсутствие или недостаток нравственного попечения о ребенке, но не исчерпывает всех характерных черт беспризорности. Я думаю, точнее всего можно было бы сказать, что беспризорными являются дети, живущие в такой обстановке, которая угрожает их физическому и нравственному развитию...

Необходимо широкое содействие общества, необходимо участие общества во всех деталях намеченного плана. Совет в настоящее время озабочен созданием сотрудиической организации. С точки зрения совета, ни один момент намеченного плана не может быть проведен без активного содействия добровольных сотрудников... (речь идет о привлечении своего рода волонтеров). Из малого строится великое. Против роковой опасности, которая глядит глазами гибнущей бесприютной детворы, должно объединиться

АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1945). Многие годы председателем Совета приюта был старший сын Александра Алексеевича Бахрушина Владимир Александрович, а после его скоропостижной кончины в 1910 году – его сын Сергей Владимирович.

⁴ Т.е. в переводе на русский язык: Бродячий, блуждающий, бродяга, праздничношагающий.

все русское общество в сознании своего долга и своей ответственности»⁵.

В этих словах отражены черты давно ушедшего времени и проблемы, которые решало российское общество 100 лет назад. Но они имеют не только историческое значение, сохраняя свою ценность как высшее проявление человеческого духа, направленные на благо общества и заботу о людях, которые нуждаются в помощи.

Библиография

СИАМ, F. 16, Opis 130, Delo 135.

Anufrieva, Ol'ga Viktorovna. 2008. „Stanovlenie sistemy social'noj zašity detstva v Rossii XIX veka.“ *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniâ* 4 (11): 19-21.

Dumova, Natal'â Georgievna. 1992. *Moskovskie mecenaty*. Moskva: Molodaâ gvardiâ.

Petrova, Anna Valer'evna. 2007. *Sirotstvo kak social'noe âvlenie vo vtoroj polovine XIX-načale XX vv. (po materialam Tverskoj gubernii)*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni kandidata istoričeskikh nauk. Tver'.

Vlasov, Pavel. 1991. *Obitel' miloserdiâ*. Moskva: Moskovskij rabočij.

Aronov, Arkadij. 1995. *Zolotoj vek russkogo mecenatstva*. Moskva: Izdatel'stvo MGUK.

---

⁵ Выдержки из Доклада о попечении беспризорных детей, прочитанного на публичном заседании Московского городского совета гласным Московской городской думы, С.В. Бахрушина 5 октября 1916 года.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXI

Zeszyt 1

ROCZNIK TEOLOGICZNY

WARSZAWA 2019

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Ślawik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

bp prof. dr hab. Wiktor Wysoczański, ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

W związku z wprowadzaniem równoległej publikacji czasopisma w wersji papierowej i elektronicznej Redakcja „Rocznika Teologicznego” informuje, iż wersją pierwotną jest wersja papierowa.

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANSH [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]

PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

ISSN 0239-2550

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Nakład: 100 egz., objętość ark. wyd.: 8,7

Druk: druk-24h.com.pl

ul. Zwycięstwa 10,

15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

ANDRZEJ CHARYŁO, <i>Znaczenie formuły diofizycznej „ek dyo fyseōn” oraz schematu Logos-sarks w koncepcji chrystologicznej św. Cyryla Aleksandryjskiego</i>	7
РОСТИСЛАВ ЯРЕМА, <i>Городской сиротский приют им. Бахрушиных в Сокольниках. Новаторский проект конца XIX–начала XX века</i> ...	43
LESZEK JAŃCZUK, <i>Typy pobożności w Kościele Zielonoświątkowym w RP i ich geneza</i>	63
GRZEGORZ MICHAŁAK, <i>Nabożeństwo ewangelicko-reformowane w parafii warszawskiej w okresie XIX wieku</i>	81
ANGELIKA MARIA MAŁEK, <i>Liturgia jako przestrzeń dialogu ekumenicznego na przykładzie liturgii Monastycznych Wspólnot Jerozolimskich</i>	99
СВЕТЛАНА ШУМИЛО, <i>Парадокс как художественное средство в стиле «плетение словес» (на примере Жития Сергия Радонежского)</i> ...	123
AGNIESZKA FILAK, <i>Wybrane kwestie organizacji nauczania religii w szkołach publicznych</i>	149
Wykaz autorów	195

Contents

ARTICLES

ANDRZEJ CHARYŁO, <i>The Meaning of the Diophysic Formula "ek dyo fyseōn" and the Scheme Logos-sarx in the Christological Concept of St. Cyril of Alexandria</i>	7
ROSTISLAV ÂREMA, <i>Bakhrushin City Orphanage in Sokolniki – a Pioneer Project of the late 19th – early 20th Centuries</i>	43
LESZEK JAŃCZUK, <i>Types of Piety in the Pentecostal Church of Poland</i>	63
GRZEGORZ MICHALAK, <i>The Evangelical Reformed Parish Church Service in Warsaw in the 19th century</i>	81
ANGELIKA MARIA MAŁEK, <i>Liturgy as a Space of Ecumenical Dialogue: the Case the Monastic Fraternities' of Jerusalem Liturgy</i>	99
SVETLANA SHUMILO, <i>Paradox as an Artistic Means in the Style of „Weaving Words” (based on the Life of Sergius of Radonezh)</i>	123
AGNIESZKA FILAK, <i>Selected Legal Issues concerning the Organization of State School Religious Education</i>	149
List of authors	195

Wykaz autorów

Andrzej Charyło, andrzej_charylo@wp.pl, ul. Mieczysława Karłowicza 32, 15-190 Białystok

Rostislav Ārema, prot.rostislav@gmail.com, 129626 Москва, 1-й Рижский переулок, д.2, стр.7, храм Живоначальной Троицы

Leszek Jańczuk, lesjanc11@gmail.com, Wyższa Szkoła Teologiczno-Społeczna, ul. Wyborna 20, 03-681 Warszawa

Grzegorz Michalak, gmichalak@1943.pl, Muzeum Getta Warszawskiego, ul. Zielna 39, 6 piętro, 00-108 Warszawa

Angelika Maria Małek, angelika.malek@upjp2.edu.pl, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie, ul. Franciszkańska 1, pok. 044, 31-004 Kraków

Svetlana Shumilo, shumilosm@gmail.com, Кафедра української мови і літератури, філологічний університет, вул. Гетьмана Полуботка 53, 14021, г. Чернигов, Україна

Agnieszka Filak, agnieszka.filak@luteranie.pl, Biuro Konsystorza Kościoła Ewangelicko-Reformowanego, Al. Solidarności 76a, 00-145 Warszawa